

пользование местных решений и обязательное создание своего, особого колорита, а это невозможно без учета местных условий. Агроусадьбы неуклонно превращаются в активно действующие акценты современной архитектурной среды белорусского села, эффективно использующие местный фактор для активизации социальных процессов на селе и улучшения эстетики сельской среды. Но по-настоящему "высококачественным товаром" на рынке туристических услуг они могут стать лишь при условии максимального выявления местного фактора, как в архитектурных формах, так и в традициях быта, фольклора и других сфер духовной жизни.

Литература

1. Клицунова В. Фактор места – основной акцент архитектуры сельского туризма / В. Клицунова, С. Сергачев // Архитектура и строительство. – 2008. – № 10. – С. 32-36.
2. Титов В.С. Историко-этнографическое районирование материальной культуры белорусов. XIX – начало XX в. / В.С. Титов. – Минск: Наука и техника, 1983. – 152 с.
3. Сергачев С.А. Белорусское народное зодчество / С.А. Сергачев. – Минск: Ураджай, 1992. – 255 с.
4. Сергачев С.А. Усадьбы сельского туризма – новое в архитектурной среде Прибужского региона / С.А. Сергачев // Архитектурное наследие Прибужского региона. Сохранение и культурно-туристское использование / Под ред. Н.Н. Власюка. – Брест: БрГТУ, 2008. – С. 39-45.
5. Сборник документов: стандарт организации, классификация сельских усадеб / Разработчики В.А. Клицунова, Д.Т. Станкевич. – Минск, 2006. – 30 с.

АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ МОДЕЛИ МОДЕРНИЗАЦИИ И ПРОБЛЕМА ИСТОРИЧЕСКОГО ВЫБОРА НАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

И.Н. Сидоренко

Белорусский государственный технологический университет, г. Минск

Глобализация существенно изменила статус и место модернизационных процессов, показав, вместе с тем, что классическая модернизационная теория уже не может эффективно и достоверно объяснять социальные реалии. Глобализация разрушила представления о единственности модернизационной теории, акцентировав основной вопрос о современности как завершенном или незавершенном проекте. Многогранность социальной реальности требует для своего понимания и объяснения новые, альтернативные варианты модернизационной теории.

Модернизация как основной тип социального изменения представляет собой содержательный аспект концепции индустриализации: модели семантических и аксиологических трансформаций сознания и культуры в контексте становления индустриального общества. Выделяют первичную модернизацию как процесс изменений, осуществленный в эпоху промышленных революций, и вторичную – процесс формирования индустриально-рыночного общества в странах третьего мира в ситуации наличия образцов (центров индустриально-рыночного производства), под которыми понимались развитые страны Запада, и возможностей прямых контактов с ними. Вторичная модернизация была представлена двумя образцами: советизация и вестернизация.

Классическая модернизационная теория объясняла социальную динамику как переход общества от традиционной к современной стадии развития. При этом под традиционным понимается общество, воспроизводящее себя на основе традиции и имеющее следующие характеристики: ориентация в организации социальной жизни на мифологические и религиозные представления; коллективизм; преобладание локального над универсальным; экономика сельского хозяйствования; авторитарность власти, циклическое развитие и др. Современное общество коренным образом отличается от традиционного тем, что ориентируется на инновации; демократические институты; на инструментальные ценности; массовое образование; преобладание универсального над локальным; персональная выделенность и индивидуализированность индивида; поступательное нециклическое развитие и др.

Можно выделить следующие типы модернизации. Первый тип модернизации представлен переходом западного общества от средневековья к Новому времени, в результате чего сформировался тип инновационного органического развития, т. е. изменения осуществлялись изнутри, органически, на основе собственных потребностей. Второй тип модернизации был осуществлен Россией и представляет собой неорганический догоняющий, мобилизационный тип развития, в который были вовлечены и другие страны, находящиеся на этапе доиндустриального развития. В качестве источника развития выступил Запад, чей пример модернизации воспринимался как эффективное решение отсталости и ускорения развития. К культурным предпосылкам этого типа модернизации относится вера прозападных элит в социальный прогресс. Однако этот процесс догоняющей неорганической модернизации не был до конца завершен в силу объективных исторических реалий, таких например, как Октябрьская революция 1917 г. Третий тип модернизации – мобилизационно-инновационный – был осуществлен странами Юго-Восточной Азии. Реализация этого типа развития осуществлялась без радикального изменения идентичности, а источником развития, с одной стороны, послужил пример Запада и его вызов другим странам, а с другой стороны – это внутренний источник, а точнее поражение в войне и экономические проблемы. При этом типе развития духовные, культурные, семейные ценности не трансформировались, наоборот, они выступили основой для дальнейшего развития общества. Четвертый тип модернизации – это постколониальный тип развития, который был инициирован вызовом-примером Запада и реализован прозападными элитами стран третьего мира. Результатом таких модернизационных проектов часто становилось разрушение традиционного общества, так как духовные, культурные предпосылки развития отсутствовали.

В чем же заключается критика классической теории модернизации? Во-первых, в том, что в ней акцентируется линейность и одновариантность развития. Во-вторых, классическая теория признает за историей наличие логики и закономерности развития, что в принципе лишает общество возможности выбора. В-третьих, это жесткая установка на социальный прогресс и возможность его реализации по заданному образцу. В-четвертых, классическая модернизационная теория не учитывает такой факт, как нелинейность развития и его многовариативность. Другими словами, эта теория представляет собой идеальный тип, искажение которого неминуемо при попытке его переноса на реальное социальное пространство. В силу

этого, как попытки минимизации недостатков классической теории появились в середине 90-х гг. XX в. альтернативные теории модернизации или постмодернизационные теории, основная черта которых заключается в их прагматизме и применимости к конкретным социо-культурным реалиям современных обществ. Остановимся подробнее на каждом альтернативном типе постмодернизационных теорий.

Одним из альтернативных типов модернизационной теории является транзитология, сущность которой сводится к двум основным принципам: демократизация и маркетингизация. В частности, в России и других странах СНГ осуществление этого проекта модернизации столкнулось с рядом проблем, например противоречие между рационализацией производительных сил и традиционными национальными ценностями. Анархия как определенный тип свободы, во многом свойственная славянскому менталитету, обернулась в процессе модернизации в негативную форму индивидуализма, отрицающую не только власть, но интересы другого. Таким образом, анархизм становится идеологией жизни на уровне базового выживания. В результате такого конфликта ценностей, порожденного анархией, этот радикальный вариант модернизации привел к демодернизации, демократизация – к анархическому порядку. В силу указанных проблем проект транзитологии себя не оправдал.

Американским философом Р. Рорти был предложен утопичный проект модернизации – ироническая солидарность. Свой социальный идеал Р. Рорти связывает с проектом «либерального иронизма», суть которого заключается в том, что «ироник» признает принципиальную случайность и относительность своего языка и сознания, а «либерал» рассматривает жестокость как наихудшее проявления зла. В силу этого будущее либеральное общество должно быть ориентировано на идеал свободы, а не истины, на легитимность дискурсов, а не одного авторитетного высказывания, на либеральных ироников, а не демократов. Отметим, что созданный проект иронической солидарности Р. Рорти – это утопия, однако отвечающая интересам и желаниям человека современного общества.

Следующим типом постмодернизационной теории выступает утилитаристский проект «хорошего общества», который представляет собой попытку «сконструировать» общество на основе соединения лучших черт, присущих разным обществам. Данный тип постмодернизационной теории возник в связи с исчерпанием доверия к радикальным проектам как нелиберальным, так и коммунистическим и каким-либо еще. Эта теория получила свое раскрытие в концепции Дж. Ролза, противопоставившего модель государства всеобщего благоденствия, допускающего классовое неравенство и не совсем четко прописанную модель демократического владения собственностью, это неравенство преодолевающего. «Хорошее общество» должно включать в себя все то позитивное, что уже есть в разных обществах: права человека, высокий уровень благосостояния, приемлемый социальный порядок и т. д. Вместе с тем возникает проблема критерия, нормы, позволяющей назвать общество именно так. Есть и другой «подводный риф» этой теории: при стремлении реализовать этот проект личностная установка индивида может выступить в качестве препятствия, что в целом ставит под удар все теоретические выкладки этой концепции.

В качестве постмодернизационной альтернативной теории выступает концепция устойчивого развития. Идеи устойчивого развития были заложены в концепции

Римского клуба и получили развитие в конце 80-х гг. XX в. В данной концепции, не отрицая развития, были указаны опасности его форсирования, невозможность для окружающей среды выдержать биотические нагрузки, связанные с активной деятельностью человека. Однако призыв минимизировать потребности обернулся сохранением статус-кво для Запада, но не для отстающих стран. В итоге богатые страны богатеют, а бедные беднеют, и убедить отстающие страны в том, что это так надо для сохранения окружающей среды, очень проблематично. То, что США не ратифицировали Киотский протокол, лишний раз свидетельствует, что концепция устойчивого развития в настоящее время работает, к сожалению, только на ограничение развития менее развитых стран, не затрагивая страны «золотого миллиарда».

Другой проект постмодернизационной теории выражен в теории макдональдизации как проявление нового типа рациональности американского социолога Дж. Ритцера. Под макдональдизацией Дж. Ритцер понимает «процесс, в ходе которого принципы работы ресторана быстрого обслуживания начинают определять все большее и большее число сфер как американского общества, так и остального мира... макдональдизация затрагивает не только ресторанный бизнес, но и образование, труд, здравоохранение, туризм, отдых, питание, политику, семейные отношения и виртуально каждый другой сегмент общества» [1, р. 3]. Макдональдизация включает в себя следующие параметры: экономическая эффективность, калькулируемость процесса и результата, предсказуемость последствий определенных действий и технологически оснащенный контроль за поведением. Социолог отмечает, что, будучи социально и культурно востребованным типом рациональности, эти социальные практики макдональдизации стали быстро распространяться. Например, пресса все более ориентируется на «макгазеты», т. е. аналитические статьи вытесняются краткой информацией. В сфере высшего образования возникают «макуниверситеты»: учебники все больше напоминают «мактексты», а творческие дискуссии заменены тестами. Отметим, что данная модель не подходит постиндустриальным обществам с высоким доходом на душу населения и устойчивой системой нравственных ценностей.

С нашей точки зрения, наиболее адекватной и эффективной формой развития белорусского общества является выделенная С. Хантингтоном локальная или национальная модель модернизации, возникающая на некотором уровне уже достигнутой вестернизации. Национальный, в данном контексте, понимается не как этноцентристский, а как соответствующий интересам национального государства. Согласно такому утверждению получается, что необходимый и достаточный уровень усвоения западного опыта ведет сегодня к национальной модели развития, а значит, к многообразию типов модернизации. Так, например, в доказательство этого утверждения С. Хантингтона приведем слова одного из крупных специалистов по теории модернизации Ш. Айзенштадта, который убедительно показал, что в условиях глобализации находящийся в процессе трансформации Запад уже не может по-прежнему выступать универсальным образцом развития. Более того, каждое общество само решает, в каком типе модернизационного развития оно нуждается. В силу этого появляется множество модернизаций, складывающихся на локальном уровне [2, р. 4-30]. Славянский мир вступил в третье тысячелетие раздробленным и

обессиленным, подверженным внутренним распрям и разрушительному внешнему воздействию. Поэтому наиболее важно в геостратегическом плане для восточнославянских народов в данный исторический момент – это формирование восточнославянского цивилизационного центра развития и силы на собственной культурно-цивилизационной основе. В этой ситуации восточнославянским народам остается два пути: или они консолидируются, объединяются и создают свой собственный центр развития и силы, или превращаются в «этнографический материал» для развития других цивилизационных центров развития. Вывод напрашивается сам собой, что только в равноправном союзе друг с другом и некоторыми другими странами Евразии восточнославянские народы могут сохранить себя.

Локальная или национальная модель модернизации предполагает рассмотрение истории как особого рода темпоральности, т. е. историчности. Выделим два ракурса рассмотрения историчности: в экзистенциализме, заостряющем индивидуальный аспект темпоральности, и в постмарксизме, акцентирующем его социальный аспект. Экзистенциальная трактовка историчности предполагает вовлеченность индивидуального существования человека в пространство свершения судьбы его народа и решительное принятие этого наследия как уже своей судьбы. Так, М. Хайдеггер в центр истории ставит историчность *Dasein*, подразумевая под этим то, что человек всегда уже определен результатами прошлого, т. е. вовлечен в традицию и судьбу своего народа. Продвигаясь в будущее, решимость человека никогда не может начинаться с нулевой точки. Свой набросок на будущее человек должен делать в напряженном взаимодействии с заданным наследием. Бытие-в-мире существует как решимость по отношению к ситуации, из которой можно принять возможности, на которые «набрасывается» существующее. В мире существует наследие, прошлое потому, что этот мир есть мир языка. Наследство – это область, куда вписываются традиции. Поэтому только там, где мир есть наследие, настоящее есть сообщество. Эту сообщество Хайдеггер именует «судьбой». «Судьба не возникает впервые лишь через столкновение обстоятельств и происшествий ... а когда судьбоносное присутствие как бытие-в-мире сущностно экзистирует в событии-с-другими, его событие есть событие общности, народа. Исторический путь не составляет из отдельных судеб, равно как бытие-друг-с-другом не может быть понято как совместный быт многих субъектов» [3, с. 384]. Только в сообществе, согласно мысли М. Хайдеггера, власть исторического пути оборачивается для человека свободой.

В постмарксизме, в частности в исторической концепции К. Кастириадиса, история рассматривается как движение масс, которые активно преобразуют пространство социальной жизни на основе коллективных решений. При этом глобальные генерализации исторического материала невозможны в принципе, а универсальность знания должна обнаруживать себя в способности вдохновлять и ориентировать определенные виды социального действия. Таким образом, национальная культура представляет собой уникальный феномен, способ существования и трансформации которого не могут быть выведены из предшествующего мирового исторического контекста. Уникальность культуры предполагает и уникальность ее истории. Историчность истории раскрывается здесь через концепт «воображаемого» времени: «Социальное – это самоизменение, и если оно им не является, оно

ничто. Социальное самоорганизуется как история, как темпоральность, и в каждом отдельном случае как специфический способ темпоральности...» [4, с. 273]. Таким образом, историчность как воображаемое время дает возможность массам реализовывать изменения, которые в свою очередь образуют саму основу социальной «ткани». В силу этого история имеет принципиально разомкнутый характер и в случае конкретного национального общества она складывается в результате обусловленного, но жестко не детерминированного выбора определенных возможностей. Однако на этот выбор надо еще решиться.

Классическая теория модернизации рассматривает Запад как единственно возможный образец для модернизации других стран. При этом эмпирические несоответствия модернизаций других стран с западным образцом этой теорией трактовались как незавершенные или неуспешные проекты модернизации. Альтернативная концепция множества модернизаций и модель национальных локальных модернизаций рассматривает различия в модернизации разных стран как закономерный процесс и отрицает единый образец и путь развития. Именно поэтому в качестве наиболее адекватной и эффективной формы развития белорусского общества была указана локальная или национальная модель модернизации, возникающая на некотором уровне уже достигнутой вестернизации и предполагающая для своей реализации консолидацию восточнославянских народов.

Литература

1. Ritzer G. The Mcdonaldization of Society / G. Ritzer. – Pine Forge Press, 2000.
2. Eisenstadt S. N. Multiple Modernities / S. N. Eisenstadt // Daedalus. Winter. Vol. 29. № 1.
3. Хайдеггер М. Бытие и время/ М. Хайдеггер /Пер. В. В. Бибихина. – М.: «Ad Marginem», 1997. – С. 384
4. Касториадис К. Воображаемое установление общества / К. Касториадис; пер. с фр. Г. Волковой, С. Офертаса. – М.: Гнозис: Логос, 2003.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Е.В. Скакун

Брестский государственный университет им А.С.Пушкина, г. Брест, Беларусь

Международный порядок в XXI веке диктует государствам новые условия взаимодействия. И это неспроста. Ключевые проблемы человечества государства не могут решить только в национальном масштабе. Мы наблюдаем взаимозависимость и взаимововлеченность различных государств в мировые процессы. Одним из главных вызовов современности является глобализация. Это новое явление, которое в нынешних условиях гораздо весомее даже революций и смен общественно-политического строя.

Термин «глобализация» появился в конце XX в., когда особо остро встал вопрос о взаимовыгодном сотрудничестве в области экономики, науки, культуры и политики. Понятие «глобализация» стало активно употребляться в научных и популярных изданиях только после 90-х гг. Американский социолог Р. Робертсон одним из первых обратился к исследованию проблем глобализации, используя термин «глобальность» в на-